

Таёжная история

В маленькую таежную деревушку я приехал в середине лета. Притулилась она на склоне широкого извилистого лога. Вокруг остроконечными шапками стояли окутанные вечной синей дымкой сопки — оттого-то и название свое деревушка имела — Синий Ложок.

Неподалеку, в тайге, в маленькой избушке обитал мой давний знакомый Тихон, собиратель всевозможных лекарственных трав. Выезжал он сюда на все лето и только иногда спускался в лог, чтобы у своей дальней родственницы, жившей в Синем Ложке, пополнить запас продуктов да принять баньку.

Как-то я наекнул ему, что, дескать, неплохо бы с ним по тайге побродить да подышать ее хмельным воздухом. Тихон звал меня каждое лето, но я, напросившись сам, все никак не мог приехать, и вот, решительно махнув рукой на все дела (благо, был отпуск), поехал в Синий Ложок.

Как мы и условились, Тихон ждал меня у своей родственницы, и я, прогрясшись часа два на попутной машине, к полудню был в деревне. Дом нашел легко — по синим ставням и новой тесовой крыше. Тихон, чисто одетый и выбритый после бани, долго жал мне руку и все расспрашивал, как это удалось мне выбраться из города. Его родственница Дарья, так ее звали, женщина лет шестидесяти, поставила на стол столько яств, что мне хватило бы их на целую неделю. Мы выпили по столу за встречу и знакомство, и только тогда Тихон немного меня разочаровал.

Он собирался в райцентр дня на два, чтобы свезти травы и прихватить еще табак домашнего — казенных «цигарок» он не признавал. А, когда вернется, мы сразу же отправимся в сопки. Мне же предстояло эти два дня жить у Дарьи, отдыхать, и вообще, как сказал Тихон, «валать дурака». Ничего не оставалось, как согласиться, и я лишь попросил Дарью не закармливать меня перед предстоящим походом. А Тихон умчался на своем стареньком, неопределенного цвета мотоцикле, нагнал полную коляску мешков с травами.

Дарья женщиной говорливой, но не попусту, все расспрашивала меня о городе: чего там «выбрасывают» в магазинах и много ли понастроили. Я охотно ей всем рассказывал и, в свою очередь, узнавал от нее о деревне, о здешних местах.

Не сразу я заметил, что Дарья живет не одна, как говорил мне Тихон, а во дворе, в небольшой летней кухне, жил еще кто-то. Вечером там зажегся свет, но занавески были задернуты, и я никого увидеть не смог.

За ужином я осторожно спросил об этом Дарью, но она, как мне показалось, разговорчивая и даже где-то откровенная, уклончиво ответила:

— Да живет там у меня женщина одинокая, квартирует.

Я не стал владать в подробности и после ужина, побродив немного по улице и подзагнав своей прогулкой многочисленных собак, ушел спать в отведенную мне горенку.

На другой день утром, по просьбе Дарьи, я пошел в огород нащипать петрушки и был поражен странным явлением. Как только я вышел из-за угла старой рубленой баньки — сразу же увидел женщину, развешивающую сушиться на изгородь белые полотенца. Она, услышав мои шаги, лишь торопливо бросив взгляд в мою сторону, поспешила удалиться. Но даже не это удивило меня. Одета женщина была в полинявшее ситцевое платье и была по-юному стройна. Голова повязана коричневым платком, который прикрывал половину лица. Но даже открытая его часть поразила меня более всего. Я успел заметить, что лицо было какое-то искаженное или изувеченное, неопределенного возраста. Но глаза... Они были молодыми, сверкающими, но с огромной примесью беды или печали.

Женщина скрылась за постройками, а я все стоял ошеломленный, забыв про петрушку. «Что за странности? — подумал я, немного придя в себя. — Еще и в тайге не был, а уже первые загадки...»

За завтраком я сказал Дарье:

— Необычная какая-то у вас квартирантка. От людей убегает, прячется.

— Жизнь у нее необычная, — снова неопределенно ответила хозяйка и перела разговор на другое.

«Что-то тут не то, — подумал я и твердо решил все-таки вызвать Дарью на откровенность. В течение

(Окончание на 4 стр.)

(Оконч. Нач. на 3 стр.)

Рассказ

Таёжная история

дня всевозможными намеками и неожиданными вопросами склонял ее к открытому разговору и все же добился своего.

Вечером, поужинав, мы сидели с Дарьей в кухне, и она мне рассказывала эту странную историю:

«Жила я тогда у сына в городе. Сминая он меня. Все говорил, что, мол, зачем тебе, мать, в земле ковыряться на старости лет, много ль тебе надо. У него в городе квартира большая, со всеми удобствами — тут тебе и вода горячая, и плита газовая, да и места хватало. Заколотила я окна в доме да и поехала.

У невестки, правда, как-то неприяно, что ли, была ко мне, хотя она и виду не показывала, и разговаривала со мной хорошо, и обнимать старалась, а вот чувствовала я, что есть между нами что-то. Ну, словно граница невидимая. Но старалась не замечать, привыкла, внуки ко мне относились ласково — и я пообвыкалась.

Верочка, — та, которую ты встретил нынче в огороде, жила на одной площадке с нами — двери были напротив. Дома, правда, она бывала не всегда — работала геологом, часто ездила с экспедициями по тайге да горам. С невесткой моей они учились вместе, но та заседала в конторе, и бродячая жизнь ее не маняла.

Каждый раз, бывая дома, Верочка заходила к нам, и мы с ней как-то сдружались, что ли... Жила она, как птица вольная, и не только в работе своей. Я часто говорила ей: «Выходила бы ты замуж, Верочка. А то молодость пролетит, а в доме и ребятишки не щебечут. Тебя, такую красавицу, кто угодно замуж возьмет». Она все смеялась, обнимала меня да отвечала: «Обыкновенная я, а не люблю никого». И снова уезжала на месяц, а то и больше.

Но встречался с ней случайно. Познакомилась как-

то с летчиком одним — ну прямо сокол, статный, красивый, но скромным был, воспитанным, Мишей его звали. Верочка влюбилась в него до помрачения. Вся так и светилась изнутри, как жар-птица. «Вот, — говорила, — тетя Даша, выйду замуж, схожу последний раз в тайгу и больше нигде не поеду».

И поженились они. Как только месяц медовый прошёл, уехала она в последнюю свою экспедицию. Не знала, какая судьба ее ждет. Миша погиб. Не на работе своей опасной. С рейса вернулся, домой шел. Встретили его какие-то хулиганы, злодеи. Обзывать стали, придирались. Он им что-то сказал, урезонивать стал. Давай они его бить — четверо их было. Один в висок ударил — и все..

Разбежались эти собаки, а Мишу только через два часа нашли. А мы узнали от милиционера — пришел,

чтоб родным сообщить, звонил, звонил в дверь — никто не открывает, он к нам. Сын мой сразу же такси вызвал, помчался в контору эту геологическую, чтоб не сообщали Верочке, что Миши уже нет, а как-то прознали, сообщили уже, вертолет за ней выслали.

Прилетела она — черная от горя. Схоронила Мишу, любимого своего. Как она плакала, как убивалась, в могилу кидалась за ним.. В девять дней помянули Мишу, и она вновь улетела в тайгу..

А через две недели привезли ее саму с изувеченным лицом. Я, как узнала, в больницу к ней. Лежит она, голубка моя, лицо все в бинтах, только глаза светятся, но уже по-другому. Потом часто я к ней в больницу ездила, а когда она домой вернулась — все у нее пропадала.

Рассказала она мне, что с ней приключилось-то. Как

в экспедицию вернулась и вовсе горе ее одолело. Всякая работа из рук валась. Уходила тогда в тайгу, бродила там подолгу, плакала. Товарищи следили за ней, берегли, чтоб руки на себя не наложила, да не уберегли.. Хватились как-то, а ее нет.. Нашли потом неподалеку от лагеря. Лицо все в крови, ничего не понять. Вначале думали, медведь ее так изувечил, а когда рядом поож увидели..

Я ее спрашивала: «Зачем же ты, доченька, такое с собой сотворила?» А она мне ответила: «Хотела я с жизнью покончить, да слишком дешевая плата была бы за Мишину любовь. Тогда и решила изувечить лицо, чтоб никогда и никто меня больше не полюбил.. и самой не любить никого больше..»

Вот так все и было.. Потом я домой, в Синий Ложок, засобиралась. По-

тянули меня к себе грядки да тишина наша глухоманная. Верочка, как узнала, плачет: «Возьми меня, тетя Даша, с собой. Как мне в городе жить?» Вот так уже почти два года она у меня.. Я ее в дом зову, а она говорит: «К тебе люди ходить будут, расспрашивать. Лучше я в летней кухне жить буду». Правда, на зиму она в дом перебирается — зимой-то никто к нам почти не заходит..

Так вот и дочка у меня появилась. Матери у нее нет, а отец где-то на Алтае живет. Не знает он о Верочкиной беде. Я просила ее написать отцу, ну хоть неправду, что, мол, случай несчастный был. Не пишет пока..»

Дарья закончила свой рассказ. В избе было тихо, и за окном тоже висела тяжелая ночная тишина. Я посмотрел в окно — свет в летней кухне был погашен.

А на следующий день вернулся Тихон, и мы ушли с ним в тайгу..

С. МОТРЕНКО.